

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ
МЫСЛЬ В РОССИИ
XIX - XX
ВЕКОВ

А. Н. Цамугали

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский институт истории

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Республиканский гуманитарный институт

Отечественная история и историческая мысль в России XIX—XX веков

*Сборник статей
к 75-летию
Алексея Николаевича Цамутали*

Издательство
«Нестор-История»

Санкт-Петербург
2006

УДК 947.081:92
ББК 63.3(2)5:84-4

Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали.– СПб.: Издательство «Нестор-История», 2006. – 612 с.

Сборник посвящен 75-летию видного ученого, доктора исторических наук Алексея Николаевича Цамутали. В тематических разделах раскрываются важнейшие аспекты внутри- и внешнеполитической истории России, истории общественной мысли и общественного движения XIX–XX веков, по-новому освещаются многие актуальные проблемы. В сборнике приняли участие ученики, коллеги, друзья А. Н. Цамутали из Петербурга, Москвы, Архангельска, Саратова, Тбилиси, Твери.

Ответственный редактор *Р. Ш. Ганелин*

Редакционная коллегия: *Б. В. Ананьич, Т. В. Андреева,
Л. А. Вербицкая, А. В. Гоголевский, А. Н. Кирпичников,
В. Н. Плешков, А. А. Фурсенко, В. Г. Чернуха*

Рецензенты: *Е. М. Балашов, А. Л. Дмитриев*

*Издание осуществлено с использованием средств грантов президента РФ
для государственной поддержки ведущих научных школ РФ*

№ НШ-2864.2006.6

№ НШ-3347.2006.6

ISBN 5-98187-072-9

© Коллектив авторов, 2006
© Санкт-Петербургский институт истории, 2006
© Республиканский гуманитарный институт Санкт-Петербургского государственного университета, 2006
© Издательство «Нестор-История», 2006

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

При составлении предлагаемого сборника статей, посвященного 75-летию со дня рождения Алексея Николаевича Цамутали, члены редколлегии руководствовались стремлением не только представить читателю новые материалы, оригинальные интерпретации различных вопросов политической, экономической, военной истории России XIX–XX вв., истории общественного движения и общественной мысли этого времени, всего того, чем юбиляр занимается всю свою творческую жизнь, но и привлечь в качестве авторов близких ему людей. Это — друзья, коллеги, ученики Алексея Николаевича, те, кто окружали его в течение десятилетий. Поэтому в издание вошли материалы различных жанров — исследовательские статьи, очерки, эссе, воспоминания.

В сборнике, имеющем широкий проблемный диапазон, представлено около 60 работ как сотрудников Санкт-Петербургского института истории, так и ученых других академических и высших учебных заведений нашего города, а также московских, саратовских, петрозаводских, тверских, тбилиских коллег. Сборник состоит из шести разделов. В первый раздел вошли статьи, посвященные различным вопросам отечественной исторической науки от дореволюционной эпохи до современности, а также истории высшей школы в России. Второй раздел включает статьи, дающие представление о сложном процессе развития общественной мысли и общественного движения на протяжении XIX–XX вв. Третий, самый большой, представлен работами по истории внутренней политики Российской империи и советской России. В четвертый раздел вошли статьи по военной истории от Отечественной войны 1812 г. до Великой Отечественной войны. Пятый раздел посвящен связям России с внешним миром и включает статьи, освещающие внешнеполитические аспекты российской истории. Шестой раздел под названием «Люди и судьбы» составили главным образом материалы мемуарного жанра — воспоминания о Ленинградской блокаде, которую пережил Алексей Николаевич, и эссе о российских и зарубежных государственных деятелях.

Р. Ш. Ганелин, А. Н. Кирпичников

СЛОВО О НАШЕМ ДРУГЕ

Алексей Николаевич Цамутали относится к тем незаурядным ученым, которые десятилетиями ведут работу в различных, казалось бы не связанных между собой областях исторического знания, — при этом разносторонность их занятий оказывается плодотворной на всех направлениях. Речь идет о периодах российской истории, которые зачастую еще не становились предметом научного рассмотрения, — возможно потому, что вообще с трудом ему поддаются. Здесь требуется особое мастерство, глубокое проникновение в изучаемый материал, нестандартность суждений, постоянное стремление открыть и оценить новое. Все эти качества щедро присущи Алексею Николаевичу.

Алексей Николаевич родился в Ленинграде 10 февраля 1931 г. в семье служащих. Его отец Николай Михайлович Цамутали был инженером. Мать Мария Петровна — учительницей. Подростком Алексей Николаевич пережил ленинградскую блокаду, при этом редкая наблюдательность и исключительная память дали ему оставшиеся на всю жизнь трагические и яркие впечатления. Впоследствии как исследователь он приобрел не часто встречающуюся способность сопоставлять результаты работы над источниками с сохранившейся в памяти или реконструируемой на основе логического анализа жизненной ситуацией.

С детских лет Алексей Николаевич стал регулярным и вдумчивым читателем газет и журналов, научившись читать между строк, сопоставлять различные сообщения и статьи и сравнивать газетные версии событий прошлого с тем, что было о них известно и как это воспринималось «в народе». Читателем всех возможных газет был, кстати сказать, один из старших коллег Алексея Николаевича в Ленинградском отделении Института истории АН СССР Ш. М. Левин, да и наш общий учитель С. Н. Валк, будучи уже весьма пожилым человеком, ездил на Невский проспект чтобы в киоске на углу у Европейской гостиницы купить полтора десятка зарубежных газет на всех языках.

Задолго до появления компьютеров у Алексея Николаевича была компьютерная по объему запоминаемой информации и при этом избирательная память.

Несколько слов об Алексее Николаевиче в жизни. В его формировании знатока и исследователя событий и явлений как прошлого, так и настоящего, не только наблюдающего человеческое поведение в самых различных ситуациях исторической и современной действительности, но и строго проверяющего ее на достоверность, немалую роль сыграл житейский опыт внимательного мальчика, сделавшего из него серьезного аналитика едва ли не самых сложных проблем отечественной истории.

Выше уже было сказано, Алексей Николаевич родился в Ленинграде в семье служащих. Родители и ближайшие родственники принадлежали к поколению, пережившему Первую мировую и гражданскую войны, трудности революционной и послереволюционной поры. Впереди были полные тревоги предвоенные годы, а затем и испытания Великой Отечественной войны.

Отец Алексея Николаевича Николай Михайлович Цамутали (1892–1966) родился в Москве. После окончания Михайловского артиллерийского училища с августа 1914 г. на всем протяжении Первой мировой войны находился в действующей армии. В 1917 г. был избран выборным командиром и в гражданскую войну служил в Красной армии. В 1921 г. окончил Артиллерийскую академию. После демобилизации с 1923 г. работал инженером на заводах и в проектных институтах Ленинграда. Некоторое время преподавал (по совместительству) в Горном и Политехническом институтах.

Мать Алексея Николаевича Мария Петровна Цамутали (1898–1953) (урожденная Клокачева) родилась в Петербурге. После окончания Константиновской женской гимназии работала и училась. Будучи студенткой Ленинградского университета, занималась в семинарах у О. А. Добиаш-Рождественской и Л. В. Щербы. В 1921 г. по приглашению Л. В. Щербы стала работать учительницей русского языка и литературы в средней школе, которая до 1942 г. находилась в здании бывшего Училищного Дома им. Петра Великого на Петроградской набережной (известном как одна из построек архитектора Дмитриева и тем, что с 1944 г. в нем находится Нахимовское училище). Впоследствии после реформирования школ с 1942 г. Мария Петровна работала в 82-й средней школе Петроградского района, где преподавала русский язык и литературу и была заведующей учебной частью. Будучи опытным учителем, Мария Петровна перед войной успевала работу в школе совмещать с обязанностями районного методиста и ассистента кафедры методики преподавания русского языка в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена. С учительской, преподавательской деятельностью были связаны многие родственники Алексея Николаевича. Многие годы преподавала иностранные языки в школах тетюшка Алексея Николаевича (сестра его матери) Варвара Петровна Граве. Учительницами были обе бабушки Алексея Николаевича Варвара Николаевна Клокачева (урожденная Панова, 1868–1940) и Екатерина Федотовна Цамутали (урожденная Клокачева, 1857–1927). Дед Алексея Николаевича (отец его матери) военный инженер Петр Николаевич Клокачев (1863–1917) читал курс лекций по фортификации в Николаевской инженерной и Михайловской артиллерийской академиях, других военных учебных заведениях.

Алексей Николаевич вырос в среде, где берегли то, что в последние годы стали называть общечеловеческими ценностями, а попросту говоря, доброжелательное отношение к окружающим и вообще ко всем людям. Это сказывалось в отношениях его близких с сослуживцами и просто знакомыми.

В годы войны и блокады Алексею Николаевичу пришлось быть в кругу людей, скромно и без громких слов упорно продолжавших выполнять свои обязанности, при этом заботясь о близких и даже в самые тяжелые дни и часы сохранявших веру в победу нашего народа и нашей армии. Воспоминания Алексея Николаевича о трудных днях блокады, многие годы спустя находили подтверждение в сохранившихся документах военной поры. На формирование того, что называют исторической памятью или специальным опытом, во многом влияет обстановка, сложившаяся вокруг человека, в частности в его детские годы.

Военное детство, прошедшее в тесном общении как со сверстниками, жившими известиями о том, что происходит на фронте, так и с теми, кто приезжал в Ленинград с близкого от города «переднего края обороны», во многом способствовали интересу Алексея Николаевича к военной истории, в частности истории обороны и блокады Ленинграда и вообще истории Великой Отечественной войны, Второй мировой войны. Поэтому и его занятия такого рода тематикой наряду с другими проблемами истории России, которым посвящена большая часть его работ, несут на себе не только следы академического интереса, но и отпечаток личного, не равнодушного к ним отношения. Память Алексея Николаевича хранит имена военачальников, названия мельчайших деталей боев. В его изложении прямо-таки оживают карты сражений Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и других войн.

Алексей Николаевич — многолетний член Ученого совета Музея А. В. Суворова, деятельный участник конференций и других мероприятий, проводимых в музее. Он всегда готов консультировать коллег. В этом ему помогает его хорошая память, хранящая как названия трудов, так и живые детали и имена участников событий.

Студентом истфака Ленинградского университета (где он учился с 1948 по 1953 г.) Алексей Николаевич стал заниматься столыпинской реформой, но его руководитель О. А. Ваганов, одаренный молодой преподаватель и всеобщий любимец, был вскоре из университета изгнан. Алексей Николаевич под руководством Н. Г. Сладкевича переключился на русскую историографию. Проблемам историографии он посвятил и обе свои диссертации. Серьезное изучение русской исторической мысли, ее развития и достижений оказалось по силам ему как человеку широкой эрудиции и реалистических общественных позиций и взглядов.

На пути к регулярным занятиям в аспирантуре у Алексея Николаевича были еще две «станции», не прошедшие бесследно для формирования его своеобразного подхода к историческому исследованию. Еще до окончания университетского истфака молодой ученый был направлен по распределению в законсервированный ленинградский Музей революции, решение о подготовке к открытию которого приняли незадолго до смерти Сталина. Музей располагал богатейшим собранием коллекционных исторических материалов, подвергавшихся чистке с уничтожением классово чуждого. Служба в Музее (до 1958 г.) не только расширила жизненный опыт Алексея Николаевича, но и открыла для него новую область научных интересов — историю революционного движения. Следующие четыре года, 1958–1962, дали ему практическую подготовку в области источниковедения и археографии. Возглавлявший ленинградскую группу Института славяноведения У. А. Шустер привлек его самого и его бывшую сокурсницу В. Г. Чернуху к работе над фундаментальной публикацией документов по истории российской политики в Польше.

С 1962 г. и до настоящего времени Алексей Николаевич — в Ленинградском отделении Института истории СССР Академии наук СССР (ныне Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук). Научным руководителем его был С. Н. Валк, и развитие русской исторической мысли стало основным, хотя и не единственным предметом его занятий. Монографические исследования А. Н. Цамутали в области историографии XIX — начала XX в. приобрели широкое признание среди историков самой разнообразной тематической ориентации. В них умело сочетается показ взаимосвязи историографии с общественной мыслью и анализ тех факторов, которые обеспечивали внутренние

закономерности развития исторической науки в России. Алексей Николаевич наряду с основной работой преподает в высших учебных заведениях. Первым опытом было чтение лекций по русской историографии на факультете повышения квалификации Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена; им были также прочитаны курсы на исторических факультетах Волгоградского, Саратовского и Петрозаводского университетов. С 1995 г. Алексей Николаевич ведет занятия и в Европейском университете в Санкт-Петербурге. Он читает курс по истории русской исторической мысли, а также часть курса, посвященного дискуссионным проблемам истории России.

3 февраля 1978 г. Алексей Николаевич возглавил коллектив научных сотрудников, в то время объединенных в секторе истории СССР периода капитализма Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Со временем, в 1986 г. сектор был преобразован в отдел, а в 1993 г. переименован в отдел новой истории России Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, с 2003 г. ставшего Санкт-Петербургским институтом истории РАН. С 1979 г. Алексей Николаевич — руководитель Северо-Западной секции Научного совета по историографии и источниковедению Отделения истории РАН. Алексей Николаевич является также членом Президиума и руководителем исторической секции Ленинградского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Другим направлением исследований А. Н. Цамутали явилась история революционного движения в России. Он участвовал в подготовке публикаций документов по истории народничества и написании работ о первой русской революции, опубликовал значительные и яркие очерки по истории русской культуры. Наконец, Алексей Николаевич стал автором целого ряда работ по истории обороны Ленинграда в Великой Отечественной войне, в которых глубоко исследованы различные стороны жизни блокированного города. Общеизвестный знаток истории отечественных вооруженных сил, он в течение многих лет консультирует специалистов в этой области.

К трудам А. Н. Цамутали (их список за 2002–2006 гг. приложен) обращается чрезвычайно широкий круг читателей. Причина этого — как в их исследовательских достоинствах, так и в широте и разнообразии тематики. Алексей Николаевич столь авторитетен среди историков Петербурга и других городов и стран, и к тому же так блистателен в личном общении, что в институте его всегда ожидают посетители, для каждого из которых беседа с ним — важный шаг на пути к своей исследовательской цели.

Алексей Николаевич — блестящий рассказчик, ему присущ мягкий юмор, обаяние доброжелательного человека, неизменный такт и понимание окружающих, дружеское внимание к коллегам и товарищам.

От всей души желаем нашему другу деятельной жизни, здоровья, создания новых научных исследований, так радующих всех нас.

І. ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

С. Н. Искюль

ВОЛЬТЕР И ЕГО «ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ»

К сему делу, по правде, Вольтера
никто не может быть способнее...

М. В. Ломоносов

Известный интерес Вольтера к России вызывался, помимо чистого любопытства просвещенного иностранца, которое неизбежно возникало вследствие очевидной неполноты необходимых достоверных знаний, способных удовлетворить пытливым ум, еще и, безусловно, отношением к личности Петра Великого, что связывалось у него с интересом к роли просвещенного монарха в обществе, а уже впоследствии и с обращением писателя к истории петровского царствования. Творческая история этих сочинений Вольтера не раз становилась предметом исследования,¹ причем далеко не только в России,² однако это отнюдь не означает, что общая их оценка в историографическом контексте и многие, связанные с ними вопросы, уже не требуют не только ряда уточнений отдельных нюансов, но и специального к ним обращения и обстоятельного раскрытия.

Не раз поставленные под сомнение, а порою и опровергавшиеся в прошлом стереотипы³ в той или иной степени сохраняют свое значение, и кажется не лишним в этой связи еще раз вернуться к сложившимся устойчивым представлениям о том, что сочинение о Петре Великом было заказано Вольтеру российской императрицей и влиятельными лицами ее двора, что при работе над этой историей Вольтера направляли личное честолюбие, прямой «интерес», т. е. меркантильные соображения и прямые «искательства» того же толка. Эти соображения и оценки возникли в российской историографии и публицистике давно, но в особенности стали восприниматься как непреложный факт, с тех пор как померкнувший ореол великой императрицы уже не осенял своим священным покровом имя первого «вольтерьянца», а французское просветительство уже не внушало былого пиетета и неподдельного восхищения.

Еще профессор Николай Герасимович Устрялов писал в одной из последних своих работ: «Императрица Елизавета Петровна, благоговев к памяти отца, желала видеть дела его описанными пером искусным, и камергер Ив. Ив. Шувалов предложил этот труд писателю знаменитому, наполнявшему всю Европу славою своего имени, Вольтеру. Сообщили ему материалы, извлеченные из архивов, частью в подлиннике, частью в переводах Тауберта, Миллера, Штелина, послали многоценную коллекцию Русских медалей, дорогие меха, и ровно чрез год (в 1761), вместо ожидаемой полной и подробной

Истории Петра, получили от него в одной небольшой книге <...> сочинение слабое, бесцветное, столь же неудовлетворительное в смысле истории империи, как и в смысле жизнеописания Императора». ⁴

Но если интерес Вольтера к петровской России всегда отличался постоянством, то и в России интерес к Вольтеру всегда был велик и устойчив, причем отношение к нему часто объяснялось не столько, так сказать, всеохватностью и разносторонностью личности Вольтера, тем, что имя его было, что называется, «на слуху», сколько интересами лиц, которые определяли вкусы и пристрастия образованного общества, или тех, кто в данном случае так или иначе был прикосновен к событиям вокруг вольтеровской «Истории...». Этим ли, т. е. своего рода противоборством различных партий, или, что вероятнее, слишком большими ожиданиями, которые возлагала читающая публика на новое сочинение Вольтера, объясняется общее разочарование вольтеровской «Историей...» — первой и единственной тогда историей петровского царствования? Как бы то ни было, книга могла быть беспрепятственно прочитана всеми, кто хотел ее прочесть, ⁵ и, не дожидаясь ее перевода на родной язык, без сомнения, это сочинение прочли все образованные люди России.

Читала ее, естественно, и Екатерина II, на начало царствование которой пришелся второй, заключительный, том вольтеровского творения. В одном из своих писем Вольтеру она по этому поводу писала: «Если бы при начатии вами сего творения была я то, чем ныне есть, конечно, мною были бы вам доставлены совсем другие записки». ⁶ В этой оценке сквозит нежелание бросить тень критики на свои отношения с корреспондентом и сожаление о том, что ее предшественница не взяла дело по-настоящему в свои руки. Тогда же, т. е. вскоре после переворота, свергнувшего прямого наследника престола Петра Великого, императрица повелела выкупить у Вольтера собрание документов, которыми писатель пользовался при написании своего сочинения, и они, эти материалы, переплетенные в пяти томах под названием «*Mémoires pour l'histoire de Russie pour Voltaire*» заняли свое место в шкафах Императорской библиотеки Зимнего дворца в Петербурге. Несмотря на то что высочайшего благоволения книга Вольтера вполне не удостоилась, «История...» была, так сказать, «рекомендована» к августейшему чтению; известно, что великому князю Павлу Петровичу ее читал воспитатель Семен Андреевич Порошин, который часто брал ее в руки, когда хотел привести наследнику престола наиболее благодетельные и подражания достойные примеры из жизни его прадеда. ⁷

Со временем же, когда российская историческая наука и словесность все более освобождались от постороннего влияния, развивались и обретали собственный стиль, в распоряжении воспитателей особ из российской императорской фамилии стали появляться произведения отечественной историографии, но и тогда, по мнению С. М. Соловьева, книга Вольтера «была вовсе не лишняя не только на Западе, но и в России и стоила тех шуб, которые были отправлены за нее автору».

Однако взвешенному суждению автора фундаментальной «Истории России с древнейших времен» в 26-м томе, вышедшем в 1876 г., предшествовали часто иные, критически заостренные отзывы о вольтеровском произведении тех, кто своей критикой, обращенной в прошлое, указывал на недостатки сочинения французского писателя, недостатки большей частью неизбежные и порою простительные. Критические суждения об «Истории...» Вольтера, после того как имя автора, еще некогда осиянное покровом дружбы с «Семирамидой Севера» (именно с Екатериной II, а не с Елизаветой Петровной,

которую Вольтер также одно время называл «Семирамидой»), в иные времена уже не было недостижимым для критики, вызывались большей частью тем, что далеко не все обстоятельства, связанные с написанием этого сочинения, были известны, а авторы этих высказываний отнюдь не утруждали себя сомнениями в справедливости собственных мнений о первой истории России петровских времен.

«Тщетно единый из знатнейших писателей нашего века сочинил историю сего государя; но или не имел он довольно верных присланных к нему записок, или ради каких других причин от желательной подробности и верности отдален остался, и токмо вящее желание наше иметь ее верную приумножил», — в предисловии к публикации «Журнала» Петра I писал Михаил Михайлович Щербатов,⁸ более известный как автор «Истории российской с древнейших времен», не доведенной, впрочем, до времени Петра I и впоследствии более известный как автор сочинения «О повреждении нравов в России».

«Вольтерова история: смесь лжи с малою частицей истины, имена собственные перековерканы, летосчисление смешано», — констатировал современник Щербатова Федор Осипович Туманский, автор одного из первых сочинений о Петровской эпохе и личности Петра Великого. Подчеркивая заказной характер «Истории...» Вольтера, Туманский далее язвительно добавлял: «Правда, от наемника и ожидать было нечего».⁹

По-своему отозвался на вольтеровскую версию истории России при Петре Великом И. И. Хемницер, посвятив ей эпиграмму «На Волтера»:

Волтера все бранят, поносят
И гнусный на него такой поступок вносят,
Что много он в своей «Истории» налгал.
Ну виноват ли он, когда его дарили
И просили,
Чтоб вместо правды ложь он иногда писал?¹⁰

У того же Хемницера имеется и другой эпиграмматический опыт в том же смысле:

О вы, любители словесных всех наук,
Чтобы услышать вам чистейший лирный звук,
Волтеровых стихов согласию внимайте
И в сочинениях ему же подражайте.
«Историю» ж его прошу вас не читать,
Чтоб вместе с ним и вам не лгать.¹¹

Во времена, так сказать, «новейшие» отношение к Вольтеру в России в этом смысле не меняется.

«Великий исполин литературы французской кажется карлом у ног северного героя», — писал в своем обзоре издатель журнала «Корифей», литератор и в будущем непрременный секретарь «Беседы любителей русского слова» Иаков Андреевич Галинковский.¹²

«Вообще книга сия написана весьма неверно, — отмечал в связи с выходом в свет первого тома русского перевода «Истории...» Вольтера¹³ Михаил Трофимович Каченовский, редактор «Вестника Европы» и будущий профессор Московского университета. — Вольтер на каждом шаге спотыкается, погрешая то в хронологии, то в географии, то в

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
Ганелин Р. Ш., Кирпичников А. Н. Слово о нашем друге	5

I. ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Ислюль С. Н. Вольтер и его «История российской империи»	9
Медведев И. П. Алексей Николаевич Оленин как византист	17
Воробьёва И. Г. Труды слависта Н. А. Попова по истории русской исторической науки	29
Сафронова С. В. «Русская старина» и цензура. (Эпизод с Н. Ф. Дубровиным и И. А. Бычковым)	41
Иванов А. Е. Российская абитура начала XX в.	48
Каганович Б. С. М. К. Гринвальд. Контуры биографии	59
Сулаберидзе Ю. С. М. А. Полиевктов и его личный фонд в Центральном государственном историческом архиве Грузии	69
Вовина-Лебедева В. Г. А. А. Шахматов — текстолог и «русские младограмматики»	76
Беляев С. Г. С. Ф. Платонов, Б. В. Александров, Б. А. Романов и петроградские архивы в 1918 г.	89
Ананьич Б. В., Л. И. Толстая. Петербургский университет в январе–феврале 1911 г. (Власть и профессура)	93
Соломонов В. А. «Устранение собственных научных сил — факт непостижимо беспримерный в жизни просвещения». (Министр Л. А. Кассо и судьбы русских университетов)	117
Купайгородская А. П. Институт истории Ленинградского отделения Коммунистической академии (1929–1936)	127
Панях В. М. Борис Александрович Романов и Николай Леонидович Рубинштейн	138
Ивина Л. И. «Работаю, пока есть силы...»: А. А. Зимин в его письмах друзьям. (Из переписки А. А. Зимины с Л. И. Ивиной и А. Н. Цамутали)	147

II. ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

<i>Андреева Т. В. М. М. Сперанский и декабристы</i>	158
<i>Рудницкая Е. Л. Просвещение и становление русского интеллигентского сознания</i>	175
<i>Ильин П. В. Обманувшие следствие: к изучению методов и приемов защиты обвиняемых на процессе декабристов 1825–1826 гг.</i>	185
<i>Жуковская Т. Н. С. С. Уваров и Кирилло-Мефодиевское общество или кризис «официальной народности»</i>	196
<i>Кононов А. А. К истории перевода и издания на русском языке записок Н. А. Саблукова</i>	207
<i>Егоров Б. Ф. В. В. Берви-Флеровский как утопист</i>	218
<i>Гинев В. Н. Революция или эволюция? Спор бывшего народовольца Льва Тихомирова с ветераном народнического движения Петром Лавровым</i>	222
<i>Гоголевский А. В. Кадеты в Первой Государственной думе</i>	246
<i>Вандалковская М. Г. Общественно-политическая мысль эмиграции: либеральный консерватизм (20–30-е гг. XX в.)</i>	251

III. ИСТОРИЯ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ

<i>Лизунов П. В. Биржевые артели Петербурга: два века истории (XVIII — начало XX в.)</i>	257
<i>Шепелев Л. Е. М. М. Сперанский и чиновники</i>	266
<i>Николаенко П. Д. Князь В. П. Кочубей — учредитель Императорского Ботанического сада в Санкт-Петербурге</i>	271
<i>Чернуха В. Г. Из истории паспорта в России: Столичные адресные конторы (1809–1888)</i>	279
<i>Китанина Т. М. На подходе к рабочему законодательству: правительственная и буржуазная «концепции» рабочего вопроса 30–50-х гг. XIX в.</i>	288
<i>Дорская А. А. Изучение вероисповедного вопроса в Российской империи в конце XIX — начале XX в.: научно-педагогическая деятельность М. Е. Красножона</i>	296
<i>Андреева Н. С. К вопросу о реформе лютеранского прихода в Прибалтийских губерниях в начале XX в.</i>	305
<i>Нардова В. А. Правительственная программа преобразования городского самоуправления и городская общественность 1905–1907 гг.</i>	313

<i>Назаренко А. М.</i> Благотворительные фонды и общества взаимопомощи Санкт-Петербургского градоначальства и столичной полиции	327
<i>Лукоянов И. В.</i> С. Ф. Шарапов и С. Ю. Витте	337
<i>Ерофеев П. В.</i> А. Г. Рафалович — агент Министерства финансов и представитель деловых кругов юга России	342
<i>Флоринский М. Ф.</i> Николай II и кабинет П. А. Столыпина. (К истории взаимоотношений)	352
<i>Петрова Е. Е.</i> Коллективное великокняжеское послание от 29 декабря 1916 г.: история создания	359
<i>Куликов С. В.</i> «В самых лучших отношениях»: бюрократическая элита и Временное правительство	370
<i>Дубровская Е. Ю.</i> Символическое присутствие империи в финляндской столице и трансформация городской символики Гельсингфорса в 1917 г.	385
<i>Чистиков А. Н.</i> Будущие управленцы: студенты Коммунистического университета им. тов. Зиновьева в 1920-е гг.	398
<i>Яров С. В.</i> Оправдание диктатуры: пропагандистские импровизации в Петрограде в 1920–1921 гг.	408

IV. ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

<i>Парсамов В. С.</i> Ф. В. Ростопчин и идеологема «Народная война»	420
<i>Сапожников А. И.</i> Военно-цензурные баталии ветеранов 1812 года: А. И. Михайловский-Данилевский и В. С. Норов	430
<i>Лапин В. В.</i> А. П. Ермолов — покоритель Кавказа. Размышления перед портретом	439
<i>Колоницкий Б. И.</i> Великий князь Николай Николаевич в оскорблениях и слухах эпохи Первой мировой войны	445
<i>Ковальчук В. М.</i> Любанская операция Волховского и Ленинградского фронтов	455
<i>Ломагин Н. А.</i> Управление НКВД по Ленинградской области в политическом контроле в начальный период Великой Отечественной войны	463
<i>Иванов В. А.</i> Война и цензура (филтрация лозунга «о неразрывной связи» Ленинградского фронта и тыла в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.)	474

V. РОССИЯ И ВНЕШНИЙ МИР

<i>Носков В. В.</i> Чарлз Эмори Смит — посланник доброй воли	482
<i>Смирнов Н. Н.</i> Франция, Великобритания и русские эмигранты (1916–1917 г.)	489

<i>Мусаев В. И.</i> «Красный тыл революции»: Финляндия и русское революционное движение в начале XX в.	499
<i>Лебедев С. К.</i> Вокруг Кривого Рога: А. Л. Животовский и другие в 1920-х гг.	508
<i>Шишкин В. А.</i> К истории первого послереволюционного кризиса во взаимоотношениях России и Запада (англо-советский конфликт 1927 г.)	520
<i>Фурсенко А. А.</i> Об изучении истории Кубинского кризиса 1962 г. Очерк-воспоминание	528

VI. ЛЮДИ И СУДЬБЫ

<i>Ганелин Р. Ш.</i> М. В. Джервис (Бродский) — сотрудник ЛОИИ	534
<i>Давидсон А. Б.</i> Первая блокадная зима. Воспоминания	538
<i>Рогова Н. Б.</i> Воспоминания учительницы Н. В. Мансветовой о блокаде Ленинграда	547
<i>Соболев Г. Л.</i> Блокадная повседневность в дневниках ленинградцев	578
<i>Ваксер А. З.</i> Никита Сергеевич Хрущев. Штрихи к историческому портрету	585
Хронологический указатель трудов А. Н. Цамутали за 2002–2006 гг.	603

*Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского института истории
Российской Академии наук*

Научное издание

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ
XIX–XX ВЕКОВ**

Сборник статей
к 75-летию
Алексея Николаевича Цамутали

Редактор *А. И. Строева*
Компьютерная верстка *А. В. Андреев*
Дизайн обложки *Т. А. Цамутали*

Подписано в печать 15.12.2006. Формат 60×84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Newton.
Уч.-изд. л. 38,75. Тираж 500 экз. Заказ № 467.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел./факс: (812)702-75-78 (812) 235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

14. А. Н. Цамутали во время кандидатской защиты.
Фото Л. Е. Шепелёва. 1964 г.

5. Алексей Цамутали. Август 1940 г.

6. А. Н. Цамутали с дочерью Татьяной. 1970 г.